НЕПРОЖИТЫЕ РАЗГОВОРЫ

МЫ ЭТО УЖЕ ОБСУЖДАЛИ

Как выйти из повторяющихся споров и перейти к договорённостям

РОМАН САВИЩЕВ

Роман Савищев

Мы Это Уже Обсуждали. Как выйти из повторяющихся споров и перейти к договоренности

https://litres.ru/74734937
SelfPub; 2026

Аннотация

Вы снова спорите о том же. Уже знаете следующую реплику друг друга — и всё равно доходите до знакомого финала. Я предлагаю рассмотреть сам повтор: с чего он начинается, какую боль прикрывает привычная тема и почему очередное объяснение не приводит к решению.

В тридцати эссе — карта повторяющихся ссор, разговор об одной теме, ограничение времени и переход от претензии к конкретной просьбе. Вы сможете попробовать назвать круг без обвинения и договориться, по каким действиям заметите перемену. Есть главы о праве на паузу и выход, разговорах с родителями и на работе, а также о возвращении старого спора после первых улучшений.

При подготовке книги использовались современные цифровые инструменты; я уделил особое внимание ясности и удобству чтения.

Содержание

Я проживал один и тот же спор 6
Тема, которая возвращается 16
Кто начинает первым 25
Пятый раз 36
Круг в чужой голове 46
Слова, которые не меняются 56
Что мы на самом деле делим 66
Цена повтора 76
Конец ознакомительного фрагмента. 78

Мы Это Уже Обсуждали. Как выйти из повторяющихся споров и перейти к договоренности

Книга о разговорах, которые повторяются годами: один и тот же спор, те же слова, тот же конец. Каждое эссе разбирает один шаг: узнать круг, назвать его, найти под темой настоящую боль и выйти из повтора в дело. *Автор — не психолог и не врач. Эта книга — то, что я видел со стороны, а не консультация; истории обезличены.*

Я проживал один и тот же спор

Она сказала про тарелку. Не громко, а тем тоном, который я слышал сотню раз: с усталым ударением на «опять» и с паузой там, где должна была стоять моя вина. И я понял, что знаю весь разговор до конца, хотя он только начался. Он и правда пошёл по знакомому: я ответил про то, что устал, она сказала, что тоже устала, я сказал, что всегда так, она сказала, что со мной невозможно, и через семь минут мы сидели в разных концах кухни и молчали так, как молчали в прошлый вторник. И тогда я впервые за много лет не стал ждать развязки, а сказал: мы это уже говорили. И кончится тем же. Она посмотрела на меня и ничего не ответила, и разговор не кончился, но и не пошёл дальше, а повис, и в этом висело что-то новое.

Коротко критерий такой: я узнал круг до того, как вошёл в него. Проверка нехитрая: если я могу назвать, чем кончится разговор, ещё до его середины, значит, это круг. Если не могу, значит, это действительно новый спор, и его стоит вести.

Тарелка стояла с обеда, и это было важно, потому что за обедом мы тоже молчали. Круг редко начинается с нуля: у него всегда есть подготовка, и подготовка эта — тишина, в которой накопилось то, что не сказали. Я потом спрашивал себя, что мешало просто встать и убрать. Ничего не мешало, кроме того, что я ждал просьбы в правильной форме, а

просьба приходила в форме упрёка, и я отвечал на форму. Так две мелочи, тарелка и тон, складывались в ссору размером с вечер.

Кухня и тарелка

Кухня вечером, свет над столом, чайник остывает, и на столе стоит одна тарелка, которую никто не убрал. Тарелка не имеет значения, и это первое, что стоит понять: она не причина, она повод, и таких поводов за год набирается сотни. Я сидел с телефоном, она мыла чашку, и фраза про тарелку вышла как бы между делом. Я знал этот приём, потому что пользуюсь им сам: важное говорят мимоходом, чтобы потом можно было сказать, что ничего не говорил.

И вот здесь начинается круг. Не с тарелки, а с того, что я услышал в её тоне не просьбу, а счёт, и ответил на счёт, а не на просьбу. Сказал, что уберу, но таким голосом, что стало ясно: я уберу и запомню. Тут есть и практическая сторона: круг всегда начинается с мелочи, и мелочь эта выбрана не случайно. Крупное обсуждать страшно, а тарелка безопасна, и через тарелку можно сказать всё, что не говорится прямо, и остаться в рамках приличий. Критерий шага: я заметил повод. Проверить легко: если я могу назвать, из-за чего началось, значит, заметил. Если помню только, что было плохо, значит, круг уже шёл, а я в нём участвовал.

Последнее про эту кухню. Тарелку я убрал через минуту, и она ничего не сказала, и это была не победа, а отсрочка. Через два дня нашлась другая тарелка, и разговор повторил-

ся слово в слово, только начало было другое. Я как-то попробовал записывать. Три недели, коротко, по одной строке: из-за чего началось и чем кончилось. К концу третьей недели у меня было двадцать строк, и в них повторялись три темы, и я закрыл блокнот, потому что смотреть на это было стыдно.

Стыд был не от того, что мы ссорились, а от того, что ссорились одинаково. Одинаковость выглядела как отсутствие усилий: два взрослых человека годами говорили одно и то же и ни разу не попробовали сказать иначе. И это оказалось хуже любой отдельной ссоры.

Сотый раз

Я думал, что каждый раз это новый спор. Мне казалось, что мы обсуждаем разные вещи: то уборку, то деньги, то её мать, то мою работу, и каждый раз это была отдельная история со своими обстоятельствами. Потом я стал замечать, что истории одинаковые по форме. Начало, обида, ответ, эскалация, молчание, примирение без слов, и через неделю всё сначала. Обстоятельства менялись, форма оставалась, и однажды я понял, что слушаю одну и ту же пьесу с разными декорациями.

Но есть и обратная сторона: признать повтор неприятно, потому что он означает, что годы разговоров ничего не изменили. Легче думать, что каждый раз новое, потому что тогда есть надежда, что в этот раз получится. Бывает, что повтор идёт о настоящей нерешённой вещи, и тогда это не ритуал, а невыполненная работа. Отличить можно по результату: если

после разговора что-то меняется в делах, значит, вы работали. Если меняется только настроение, значит, вы играли.

Коротко: я назвал форму. Проверка недолгая: если я могу описать разговор схемой, значит, это повтор. Если не могу, значит, он был живой, и это хорошая новость. Последнее про этот счёт. Когда я впервые сказал вслух «сотый раз», жена не обиделась, а засмеялась. И это было неожиданно приятно, потому что смех на секунду вывел нас обоих из круга, и мы посмотрели на него со стороны.

Один раз новое всё-таки появилось, и появилось не от меня. Она сказала: я не про тарелку, я про то, что мне одной всё это не нужно. И это была другая фраза, не из набора, и я не нашёл, что на неё ответить, и мы просидели в молчании, но это было другое молчание. Я потом думал, почему не ответил. Наверное, потому что ответа не было, а привычные ответы все были про тарелку. Когда человек говорит вне сценария, сценарий обрывается, и на секунду становится видно, что за ним ничего нет, и это видно обоим.

Рядом есть и своя тонкость: новое не обязательно должно быть умным. Достаточно сказать то, чего в наборе нет: я не знаю, я боюсь, я устал по-другому. Любая фраза вне сценария работает, потому что сценарий держится на предсказуемости, а не на смысле.

Не новый спор

Новый спор отличается от круга тем, что в нём есть неизвестное. Люди не знают, чем кончится, и потому говорят

осторожно, слушают, уточняют. В круге неизвестного нет: все знают финал и всё равно играют. Именно поэтому круг не решается. Решение требует открытости, а открытость требует не знать заранее, что будет. Пока я знаю, что она скажет через две минуты, я не слушаю её, а жду своей реплики.

Есть и техническая сторона: в круге никто не говорит нового. Все фразы уже были, и это слышно по интонации: люди произносят их как цитаты, без интереса, с привычной усталостью. Новое слово в таком разговоре звучит как ошибка, и на него реагируют настороженно. Случается, что новое всё-таки появляется, и тогда круг рвётся сам. Один раз я сказал вместо обычного ответа: я не знаю, что делать. И это было правдой, и разговор остановился, потому что продолжать по сценарию стало невозможно.

Мерило этого шага: в разговоре было неизвестное. И проверить легко: если я узнал что-то, чего не знал, значит, это был не круг. Если не узнал ничего, значит, круг. Последнее про это различие. Оно не про пользу и не про вред. Круг иногда нужен: он даёт выход напряжению, когда говорить прямо слишком дорого. Плохо не то, что он есть, а то, что он единственный.

Однажды мы поменялись ролями случайно. Я пришёл уставший и начал предъявлять, она стала защищаться, и я услышал свои же слова с другой стороны. Это было неприятно и полезно: в роли защищающегося я узнал свои интонации и понял, как они звучат.

Роль держится на ожидании. Я знаю, что она скажет, и говорю так, чтобы это вызвать; она знает, что скажу я, и отвечает соответственно. Получается замкнутый круг не в переносном смысле, а в самом прямом: каждый своим поведением производит реплику другого.

Роли в споре

У круга есть роли, и они распределены заранее. Один всегда тот, кто предъявляет, другой всегда тот, кто защищается, и через минуту они уже не люди, а две функции, которые разыгрывают сцену. В нашей кухне я был защищающимся. Я приходил с готовым ответом, и ответ всегда был про обстоятельства: устал, работал, не заметил. Она была предъявляющей, и её реплики тоже были готовы: ты никогда, тебе всегда, я одна.

Тут же есть практическая сторона: роли не выбирают, их берут по привычке. И поменять роль труднее, чем кажется, потому что вторая сторона ждёт привычного ответа и своим поведением его вызывает. Скажи я что-то вне роли, и она на секунду растеряется, а потом подстроится. Иногда роли меняются: в стрессе защищающийся становится предъявляющим, и круг идёт в другую сторону, но по той же схеме. Это не выход, а зеркало, и через неделю всё возвращается. Критерий, если коротко: я увидел свою роль. Проверка простая: если я могу назвать, кем был в разговоре, значит, увидел. Если помню только, что было обидно, значит, роль меня несла, а не я её играл.

Последнее про эти роли. Они не делают людей плохими. В роли предъявляющего человек пытается быть услышанным, в роли защищающегося — не быть раздавленным. Оба хотят одного, и оба выбирают способ, который не работает.

Про близость я понял не сразу. Ссора даёт сильное чувство, и сильное чувство легко принять за близость, потому что оно про нас двоих и оно настоящее. А тихий вечер, где ничего не происходит, кажется пустым, хотя именно в нём люди и живут. Есть и четвёртая работа у круга, о которой говорить неловко: он позволяет не решать. Пока мы ссоримся, вопрос остаётся открытым, и его можно не закрывать, потому что закрыть значит взять на себя. Ссора удобна тем, что ничего не требует.

Я замечал, что после круга всегда наступает облегчение, и это облегчение сбивает с толку. Оно похоже на примирение, хотя примирения не было: просто напряжение вышло, и стало тише. Именно из-за этого тихого часа круг кажется полезным, и его так трудно бросить.

Что держит круг

Круг держится не на теме и не на характерах, а на выгоде. У него есть работа, которую он выполняет, и пока эта работа нужна, он будет повторяться, сколько бы сил ни отнимал. Первая работа — выпускать напряжение, которое не находит другого выхода. Вторая — подтверждать роли: пока мы ссоримся по схеме, каждый знает, кто он. Третья — заменять близость: ссора даёт интенсивность, которой не даёт обыч-

ный вечер.

Тут есть и обратная сторона: признать выгоду стыдно. Кажется, что если круг приносит что-то, значит, я его хочу, а хотеть ссору — стыдно. Но дело не в желании, а в функции: круг делает работу, которую больше некому делать. Бывает и так, что работу эту можно передать. Если напряжение выпускать в деле, роли подтверждать словами, а близость строить не через ссору, круг теряет смысл и слабеет. Не исчезает, но слабеет, и это уже много.

Признак, по которому видно: я понял, зачем круг. И проверка короткая: если я могу назвать, что он мне даёт, значит, понял. Если только «он мне мешает», значит, я смотрю на него как на помеху и не вижу функции. Закончу про эту выгоду. Она не оправдывает повтор, но объясняет его. А объяснение даёт выбор: можно оставить круг и понять, что он делает, а можно найти другой способ делать то же самое. Первый раз я узнал начало до первой фразы, и это было странное чувство, как будто я стою в коридоре и слышу из комнаты знакомый спектакль. Я ничего не сказал, и она сказала фразу, и я опять ничего не сказал, и круг не начался, и вечер прошёл обычно.

Ещё одно: узнавание не требует слов. Можно ничего не говорить, просто не отвечать привычным образом, и круг не сложится. Молчание в этом месте выглядит странно только для меня; для неё это обычная пауза, после которой можно сказать что-то другое, и она часто говорит.

Узнать начало

Узнать начало — это всё, что нужно на первом шаге. Не прекратить, не победить, не договориться, а просто заметить, что началось, и назвать это про себя. Узнаётся оно по трём признакам. По тону: появляется усталое ударение и пауза там, где должна быть вина. По фразе: звучит что-то из старого набора, обычно про «никогда» или «опять». По телу: плечи идут вперёд, дыхание становится короче, и появляется готовый ответ.

Есть и практическая сторона: узнавание занимает секунду и стоит дешевле любого решения. Пока я не узнал, я внутри и играю. Как только узнал, я снаружи и могу выбрать, играть или нет. Случается, что узнавание не помогает, и круг всё равно идёт. Это нормально: привычка сильнее внимания, и первые разы узнавание приходит уже после того, как всё сказано. Но с каждым разом оно приходит раньше, и однажды приходит до первой фразы.

Мерило, если сжато: я узнал до первой фразы. Проверить легко: если я могу сказать, что заметил начало и не ответил как обычно, значит, узнал. Если ответил как обычно, значит, узнал потом, и это тоже шаг. Закончу про это узнавание. Оно не делает разговор приятным. Круг остаётся кругом, и в нём по-прежнему неприятно. Меняется только одно: теперь у меня есть секунда, в которую можно ничего не говорить, и за эту секунду, как выяснилось, держится очень многое.

Последнее про это узнавание. Оно не делает меня умнее

и не даёт преимущества. Оно даёт только одно: выбор, которого раньше не было. А выбор — это уже не круг, потому что круг именно тем и держится, что выбора в нём не видно. И если из всего этого что-то и стоит запомнить, то вот это: узнавать разговор на первой фразе — уже половина выхода, потому что дальше он идёт сам, без нашего участия.

Тема, которая возвращается

Сначала мы говорили про деньги. Потом про то, кто сколько времени проводит дома. Потом про её мать, которая звонит слишком часто, и потом снова про деньги, только другими словами. И в какой-то момент я услышал, что все эти темы — одна.

Я сказал: мне кажется, это не про посуду. Она замолчала и посмотрела так, как смотрят, когда попали в больное место не специально, а случайно, и от этого только хуже. Потому что больное место было не в посуде и не в деньгах. Оно было в том, что она уже год чувствовала себя в этом доме одной, и все темы были только поводами сказать это, а сказать прямо не получалось. Коротко так: я назвал боль, а не тему. Проверить легко: если после моего слова разговор пошёл в другое место, значит, я назвал верно. Если мы вернулись к тому же, значит, я назвал ещё одну тему.

Чек лежал на столе, и я его развернул, потому что с бумагой в руках чувствуешь себя правым. Это отдельная маленькая хитрость: когда не хочется говорить о главном, в руках появляется документ, и разговор становится про документ. Рядом есть и своя ирония: я люблю точность и считаю, что она спасает от ссор. А в круге точность работает против меня, потому что пока я считаю, человек говорит о том, что не считается, и мои цифры становятся способом не слышать.

Деньги и время

Разговор начался с денег, потому что деньги — удобная тема: у них есть цифры, и на них можно опереться, не говоря о себе. Мы обсуждали, сколько уходит на еду, и в этом не было ничего личного, пока я не сказал, что она тратит слишком много. Она ответила не про еду. Она сказала, что я вечно занят, и что деньги тут ни при чём, и что если бы я был дома, то знал бы, сколько стоит еда. И тема сменилась так быстро, что я не успел заметить, как мы оказались в другой.

Практическая сторона такая: смена темы в круге — не случайность и не женская логика. Это поиск того места, где боль слышна. Деньги не слышны, время слышнее, а мать — совсем близко, и потому круг перебирает темы, пока не найдёт ту, на которую отзовутся. Критерий у этого шага: я заметил смену темы. И проверить просто: если я могу назвать, с чего начали и на чём оказались, значит, заметил. Если помню только, что было тяжело и долго, значит, меня несли. И последнее про этот вечер. Мы закончили на её матери, и это была уже третья тема, и ни одна не была настоящей. Настоящая была четвёртой, и её никто не назвал, и потому разговор через неделю повторился с самого начала.

Про звонки я знаю одно: она звонит в одно и то же время, около семи, и разговор всегда длится минут двадцать. Это не контроль и не забота, а привычка двух людей, у которых больше не о чем говорить, и называть это границами было с моей стороны глупо. Когда она сказала про мою мать, я оби-

делся, и обида была настоящая. Моя мать звонит раз в месяц, и это отдельная история, в которой я тоже не всё решил. Но я не стал её рассказывать, потому что понял: сейчас речь не о матерях, а о том, кому здесь одиноко.

Мать и посуда

Про мать в нашем доме говорить труднее всего, потому что там вина с обеих сторон и ни одного факта. Она звонит каждый день, и это можно назвать заботой, а можно контролем, и оба варианта правдой. Я сказал что-то про то, что надо ставить границы, и услышал в ответ, что моя мать звонит раз в месяц и что мне легко говорить. И это было справедливо, и это было не про мать, а про то, что я в этом доме гость, у которого есть мнение.

Здесь же есть обратная сторона: тема про родителей почти всегда оказывается темой про то, кто здесь свой. Мать, посуда, деньги — всё это способы спросить: ты вообще собираешься здесь жить или ты заходишь? Случается, что человек сам не знает, о чём говорит. Тогда он перебирает темы, и каждая следующая ближе к боли, и если его остановить на середине, он не дойдёт до главного. Поэтому в круге полезно дать ему пройти весь путь, а не спорить с каждой темой.

Коротко критерий такой: я не спорил с темой. И проверка недолгая: если я отвечал на суть темы, значит, спорил. Если слушал, куда она ведёт, значит, не спорил. Закончу про эту мать. Она в разговоре была не человеком, а символом: символом того, что здесь есть кто-то важнее меня. И пока мы

обсуждали её звонки, символ оставался целым, и разговор не мог никуда прийти.

Второй упрёк появился позже, когда я стал больше помогать: теперь я слишком много беру на себя и не даю ей делать. Это было сказано всерьёз, и я растерялся, потому что впервые услышал упрёк за то, за что раньше ругали наоборот. Так я понял, что упрёк не про поведение. Поведение можно изменить, и я менял, и упрёк оставался, только менял обёртку. Он был про чувство, а чувство не зависит от того, кто моет посуду, и это было неприятным открытием. Про соседа она сказала как бы между делом: вот у него всегда есть время. И это была та самая фраза, в которой весь упрёк уместился в шесть слов, и я впервые не стал отвечать про соседа, потому что про соседа отвечать было нечего.

Один упрёк

Если вслушаться, во всех темах звучал один упрёк, и он был один и тот же годами. Не «ты тратишь деньги», не «ты не помогаешь», а «тебя здесь нет». Три слова, которые никогда не произносились прямо. Я услышал их случайно, когда она сказала про соседа, который всегда дома. Это была фраза не про соседа, и я вдруг понял, что слышал её десятки раз в разных видах, и каждый раз отвечал на вид, а не на суть. Техническая сторона простая: упрёк в круге всегда один, потому что он про самое важное, а самое важное не меняется. Меняются обёртки, и по обёрткам легко решить, что тем много, хотя тема одна.

Иногда упрёков два и они противоположны: «тебя нет» и «ты слишком много берёшь на себя». Тогда круг идёт зигзагом, и в нём невозможно выиграть, потому что любое движение нарушает одно из двух требований. Проверочный знак: я назвал упрёк одним предложением. Проверка на месте: если я могу сформулировать его без примеров, значит, назвал. Если нужны примеры, значит, это ещё тема.

Остаётся сказать про этот упрёк. Названный вслух, он теряет половину силы. Пока он живёт в обёртках, он всесилен, потому что с ним нельзя спорить; когда он произнесён, он становится обычной просьбой, у которой есть ответ.

На краю мне стало страшно, и я это помню телом: захотелось встать и уйти на кухню за водой. Я не встал, но желание было сильное, и я понял, что взрослые разговоры отличаются от детских не содержанием, а тем, что в них остаёшься на месте. Но есть и техническая сторона: страх на краю имеет конкретный вид. Хочется сменить тему, пошутить, налить чаю, поправить что-нибудь на столе. Всё это способы выйти, и все они выглядят как забота, поэтому их так трудно заметить за собой. Я не берусь объяснять, откуда эта боль берётся. Я говорю только о том, что видел своими глазами: у неё всегда есть возраст, обычно гораздо больше, чем у ссоры, и она старше любого из нас двоих.

Боль под темой

Под упрёком лежит боль, и она почти всегда детская по форме и взрослая по силе. «Тебя здесь нет» означает «я бо-

юсь, что ты уйдёшь», а «я боюсь, что ты уйдёшь» означает «я не уверена, что меня можно любить просто так». Я не психолог и не берусь это разбирать. Я говорю о том, что видел: как только разговор доходил до этой глубины, он останавливался. Люди доходят до края и отступают, потому что дальше говорить страшно.

Рядом есть и практическая сторона: до боли не надо доводить специально. Если назвать её слишком рано, человек закроется, потому что не готов. Круг сам подводит к краю, и задача не толкать, а не мешать дойти. Бывает и так, что боль называется и после этого становится легче, и это не мистика. Названное перестаёт быть безымянным страхом и становится фактом, с которым можно что-то делать, хотя бы просто знать о нём. Критерий, если коротко: я не отступил на краю. Проверить можно так: если я остался в разговоре, когда стало страшно, значит, не отступил. Если перевёл на другое, значит, отступил, и это тоже бывает со всеми.

Остаётся сказать про эту боль. Она не требует решения. Иногда достаточно, чтобы её назвали и не стали лечить, и человек впервые за год чувствует, что его услышали, а не разобрали.

Однажды я целый час спорил с поводом и выиграл. Доказал, что посуда стоит не из-за меня, что деньги уходят на общее, что звонки не моя вина. Я был прав по каждому пункту, и через час она встала и ушла спать, и я остался с чувством, что проиграл, хотя выиграл всё. С тех пор я отношусь к по-

беде с подозрением. Если в разговоре я прав по всем пунктам, а человек уходит расстроенным, значит, я спорил не с тем, с чем надо, и правота моя была про бумагу, а не про нас. Есть и ещё одно различие: повод всегда можно обсудить в другой день, а боль нельзя отложить. Если человек вернулся к теме через неделю, значит, это была боль, и она ждала, пока я освобожусь от своих чеков и доводов.

Повод и боль

Повод и боль — разные вещи, и путать их дорого. Повод — это тарелка, деньги, чужой звонок. Боль — это то, что за ними, и она не имеет отношения к поводу. Пока я спорю с поводом, я защищаюсь от того, чего нет. Я объясняю, почему тарелка стоит, а человек в это время говорит о своём одиночестве, и мои объяснения падают мимо, и он злится сильнее, потому что его не слышат. Рядом есть и техническая сторона: повод всегда конкретен, боль всегда обща. Поэтому повод легко опровергнуть, а боль нельзя, и человек, у которого опровергли повод, остаётся с болью и без слов.

Иногда повод важнее боли, и тогда это не круг, а дело. Если человек говорит про деньги, потому что денег правда не хватает, спорить надо про деньги. Отличить просто: дело решается, а боль возвращается. Критерий шага: я различил повод и боль. И проверить несложно: если после моего ответа тема вернулась, значит, я отвечал на повод. Если разговор сдвинулся, значит, попал в боль.

Последнее про это различие. Оно не даёт мне права объ-

являть человеку, о чём он на самом деле говорит. Догадка остаётся догадкой, и её надо предлагать, а не вручать как приговор. Один раз я не угадал. Сказал про одиночество, а она ответила, что ей просто тяжело физически и что не надо всё усложнять. Я смутился, но сказал, что это только догадка, и она подумала и добавила: и одиночество тоже. Так догадка стала наполовину верной, и этого хватило.

Фраза, сказанная вслух, работает не сразу. Иногда человек кивает и уходит, и кажется, что ничего не произошло, а через неделю возвращается к этому сам, уже своими словами. Мысль, которую предложили, дозревает в тишине, и торопить её бесполезно.

Закончу про эти слезы. Я долго считал, что чужие слезы требуют немедленных действий, и потому суетился и говорил глупости. Оказалось, что они требуют одного: чтобы рядом кто-то остался и не стал ничего исправлять.

Назвать вслух

Назвать вслух — это одна фраза, сказанная мягко и с оговоркой. Не «ты боишься, что я уйду», а «мне кажется, это про то, что тебя здесь не слышат». Разница в том, что первое утверждает, а второе предлагает. Фраза должна быть короткой, иначе она превращается в лекцию. Одно предложение, и после него пауза, потому что человеку нужно время, чтобы решить, согласен он или нет, и в этой паузе нельзя его торопить. И здесь есть практическая сторона: если я угадал, человек кивает и часто сам начинает говорить. Если не угадал,

он поправит, и поправка будет ценнее моей догадки, потому что он впервые сформулирует то, что не мог.

Случается, что человек обижается на догадку. Тогда стоит сказать, что это только догадка, и что он может её отбросить. Это снимает давление, и разговор остаётся живым, хотя мог стать экзаменом. Критерий в одну фразу: фраза была предложением. Проверить легко: если после неё человек говорит больше, значит, это было предложение. Если меньше, значит, это был приговор. Остаётся сказать про этот вечер. Я угадал, и она заплакала, и я испугался, потому что не знал, что делать с чужими слезами. А надо было всего лишь не уходить и не начинать объяснять, и я это сделал, и через десять минут мы говорили о том, о чём не говорили год.

В конце — про эти темы. Их не надо бояться и не надо избегать: пока они называются, разговор живой. Опасен не спор о деньгах, а молчание, в котором деньги, время и чужая мать слипаются в одно невыносимое целое, и никто не знает, с чего начать. Так что заканчиваю не выводом, а наблюдением: тема возвращается до тех пор, пока под ней что-то лежит, и убрать её можно только вместе с этим чем-то, а не по отдельности.

Кто начинает первым

Я сказал первую фразу. Не помню какую, что-то про то, что в квартире нельзя ничего найти, и через минуту мы уже были в круге, и я даже не успел заметить переход. Потом я стал следить за собой и обнаружил неприятное: в четырёх случаях из пяти начинаю я. Не она, не обстоятельства, не усталый вечер, а я, своей первой фразой, которая выглядит безобидно и на самом деле открывает дверь.

И тогда я попробовал не начинать. Один вечер, потом второй. Оказалось, что если я не делаю первого хода, круг часто не складывается вовсе, потому что второй участник не обязан начинать, а я почему-то был уверен, что обязан. Мерило, если сжато: я не сделал первого хода. Проверить нетрудно: если вечер прошёл и никто не начал, значит, я удержался. Если начал кто-то другой, значит, круг всё равно был, но уже не мой.

Я пробовал записывать первые фразы, чтобы понять, из чего они сделаны. За неделю набралось девять, и восемь начинались одинаково: с констатации чужой ошибки. Не с просьбы, не с вопроса, а с сообщения о том, что кто-то сделал не так. Тут есть и своя механика: констатация ставит меня над ситуацией, а второго — под ней. Даже если сказано мягко и почти шёпотом, позиция уже распределена, и дальше разговор идёт из неё, как бы вежливо он ни звучал. И ещё

одна деталь: первая фраза почти всегда говорится в спину. Человек стоит у раковины, или уже в коридоре, или смотрит в телефон, и ему говорят что-то важное, не давая повернуться. Так проще: если не видишь лица, можно сказать то, что в лицо не скажешь.

Фраза про беспорядок была сказана мной в спину, и это тоже часть механики. Когда человек не видит лица, легче сказать то, что не скажешь глаза в глаза, и легче не заметить, как твоя реплика попала. Я потом извинялся не за слова, а за то, что говорил в спину, и это было точнее.

Первая фраза

Первая фраза всегда безобидна. Она про порядок, про время, про то, что кто-то не позвонил. В ней нет ни капли злости, и именно поэтому её так легко сказать: она не выглядит началом ссоры. Но у неё есть скрытая работа. Она задаёт тон и распределяет роли: тот, кто говорит, оказывается в позиции оценивающего, а второй — в позиции того, кто должен ответить. И дальше разговор идёт в этих ролях, даже если тема сменилась трижды.

И практическая сторона тут есть: первая фраза почти всегда содержит слово-маркер. «Опять», «вечно», «никогда», «сколько можно». Стоит его услышать, и становится ясно, что это не вопрос, а приглашение в круг, и приглашение это делаю я. Критерий у этого шага: я услышал свою первую фразу. Проверка короткая: если я могу назвать, с чего начал, значит, услышал. Если помню только, что «как-то само по-

лучилось», значит, не услышал, и таких вечеров у меня большинство.

Последнее про эту фразу. Она не делает меня виноватым. Начинать разговор — нормально, и претензии тоже бывают уместны. Плохо только то, что я начинаю не думая, по привычке, и потом удивляюсь, что опять оказался в знакомом месте.

Скорость — самый надёжный признак. В обычном разговоре человек слышит вопрос, думает и отвечает, и в этом есть пауза. В круге паузы нет: ответ приходит сразу, потому что он был готов заранее, и эта готовность выдаёт сценарий. Я стал проверять себя вопросом: если бы мне дали минуту, сказал бы я то же самое? Обычно нет. Значит, первое, что я говорю в круге, — не моё, а заготовленное, и от этой мысли становится неуютно.

Есть и ещё один признак, по которому я узнаю этот момент: мне становится скучно. Не в смысле неинтересно, а в смысле «я знаю, что дальше», и скука эта появляется за секунду до того, как я скажу очередную реплику. Живой разговор скучным не бывает, даже когда он тяжёлый.

Мы уже в круге

Есть момент, когда круг уже начался, а я ещё думаю, что мы просто разговариваем. Он наступает через две-три реплики, и в нём появляется характерная скорость: люди начинают отвечать быстрее, чем думают. Я замечаю это по себе: появляется желание сказать следующее, не дослушав. Это

верный признак, что я не в разговоре, а в сценарии, и мой текст уже написан кем-то другим.

Рядом есть и техническая сторона: в круге меняется дыхание. Оно становится короче, потому что организм готовится защищаться, и по дыханию круг опознаётся раньше, чем по словам. Если я успеваю заметить, что дышу коротко, у меня есть шанс. Иногда круг начинается без первой фразы, из молчания. Люди сидят, никто ничего не говорит, и напряжение растёт, и потом кто-то произносит что-нибудь резкое, и это уже не начало, а разрядка. Такие круги труднее, потому что в них нет точки, где можно было не начинать.

Коротко так: я заметил, что мы уже внутри. Проверка на месте: если я могу сказать, в какой момент это случилось, значит, заметил. Если нет, значит, я вошёл и не помню, как. Последнее про этот момент. Замечать его неприятно, потому что замечание не останавливает. Ты видишь, что тебя несёт, и всё равно едешь, и первые разы это выглядит как издевательство над собой. Потом оказывается, что видеть — уже половина.

Тут и ещё одна причина, по которой со мной начинают: я не ухожу. Человек может говорить резко, зная, что собеседник выдержит и останется. Я выдерживаю хорошо, и это делает меня удобным, но удобство не то же самое, что близость. Позиция жертвы обстоятельств тем и удобна, что снимает ответственность целиком. Если начинают всегда со мной, то мне нечего менять в себе, и можно только терпеть и

обижаться. Терпение и обида, если честно, тоже своего рода работа, но она никуда не ведёт.

И вот ещё что: скука в круге — не случайность, а следствие предсказуемости. Когда я знаю следующий ход, разговор перестаёт быть разговором и становится повторением, и скука тут честнее любого анализа: она первая сообщает, что нового не будет.

Начинают со мной

Я долго считал, что начинают со мной. Что я человек спокойный, а вокруг люди, которые заводятся с полуслова, и моя роль — отвечать и обороняться. Это удобная позиция, и она отчасти правда: со мной действительно начинают, потому что я удобный собеседник для круга. Я быстро включаюсь, отвечаю по существу и не ухожу, и это делает меня идеальным партнёром для повторяющейся ссоры. Но когда я стал считать, картина изменилась. Оказалось, что половину кругов начинал я, а вторую половину — она, но по моему приглашению: я задавал вопрос, который нельзя было не задать, или говорил фразу, на которую нельзя было не ответить. Тут есть и обратная сторона: признать своё участие неприятно, потому что тогда исчезает удобная роль жертвы обстоятельств. Зато появляется возможность что-то изменить, и это, наверное, честная сделка: меньше жалости к себе, больше рычагов.

Признак, по которому видно: я посчитал, кто начинает. И проверка короткая: если я могу назвать число, значит, по-

считал. Если помню только, что «всегда она», значит, я считал по памяти, а память в свою пользу работает отлично. Закончу про это «со мной». Позиция человека, с которым всегда начинают, даёт право обижаться и не даёт ничего больше. Она удобна и бесплодна, и я жил в ней годы, пока не надоело.

Роль держится на мелочах: кто первый сел, кто налил чай, кто говорит громче. Я замечал, что в роли защищающегося начинаю говорить тише и быстрее, и это слышно, и второй говорит громче, потому что получает подтверждение, что он прав. Выйти из роли можно одним движением, но не всегда приятным. Например, сказать: я не буду сейчас отвечать на это. Одна фраза, и роль рассыпается, потому что защищающийся так не говорит. Правда, вместе с ролью рассыпается и разговор, и его приходится начинать заново.

Иногда роль меняется на середине, и это выглядит странно. Я начинаю оправдываться, потом обижаюсь, потом начинаю предъявлять, и второй не успевает за мной, и разговор рассыпается. Такие ссоры самые бестолковые, потому что в них никто не понимает, кто что защищает.

Роль по ходу

Роль распределяется в первые секунды и потом держится сама. Тот, кто начал, становится предъявляющим; тот, кто ответил, — защищающимся. И дальше каждый говорит то, что положено его роли, даже если не согласен с ней. Я замечал, что могу войти в разговор с намерением говорить спокойно, а через минуту уже оправдываюсь, потому что ме-

ня поставили в эту позицию первой же репликой. И самое странное: я принимаю эту позицию без сопротивления, как будто она моя. Рядом есть техническая сторона: роль можно не принять. Для этого достаточно ответить не по сценарию — не оправданием, а вопросом или молчанием. Первые разы это выглядит неловко, потому что собеседник ждёт привычного и на секунду теряется.

Бывает и так, что роль навязана так сильно, что выйти из неё в этом разговоре нельзя. Тогда лучше выйти из разговора и вернуться позже, когда роли не будут держать так крепко, и это не бегство, а смена условий. Коротко критерий такой: я увидел свою роль. Проверка короткая: если я могу назвать, кем был, значит, увидел. Если помню только, что было обидно, значит, роль несла меня, и я не заметил даже этого.

Последнее про эти роли. Они не выдуманы и не навязаны злым умыслом. Оба участника берут их добровольно, потому что так проще: роль избавляет от необходимости думать и выбирать в каждый момент. Первые разы я не начинал из упрямства, и это было плохо: я молчал с видом человека, который жертвует собой. Такое молчание читается как обида, и круг начинается всё равно, только с другой стороны и с добавкой вины. Потом я понял, что не начинать надо веселее. Не с каменным лицом, а обычно: сесть, включить чайник, спросить про день. Тогда пауза не выглядит как западня, и второй человек не чувствует, что его проверяют.

Со временем я заметил, что не начинать легче, если у ме-

ня есть своё дело. Когда я прихожу и сразу сажусь за что-то, первая фраза не успевает родиться, потому что рот занят, а руки заняты. Дело тут работает как замена воле, и это честнее, чем делать вид, что я сдержался.

Не начинать

Не начинать — это одно действие, и оно проще, чем кажется. Нужно заметить первую фразу до того, как она сказана, и не сказать её. Всё. Никаких техник и правил, только пауза в полсекунды.

Трудность в том, что первая фраза кажется важной. В ней есть правда, и правду хочется сказать. Но правда не исчезнет через минуту, а круг, начатый сейчас, заберёт весь вечер, и правда в нём всё равно не будет услышана. Тут есть и практическая сторона: если не начать, часто оказывается, что и говорить было не о чем. То, что казалось важным, через десять минут выглядит мелочью, и это лучшее доказательство, что первая фраза была не про дело, а про привычку. Бывает и так, что молчать нельзя, потому что вопрос действительно важный. Тогда его говорят, но иначе: не с «опять», не с «вечно», а прямо и без оценки. И это уже не первый ход в круг, а начало разговора.

Как понять, что вышло: я не сказал первую фразу. Проверить легко: если я могу вспомнить, как промолчал, значит, не сказал. Если помню, что сказал, но иначе, значит, сказал, и это тоже бывает полезно. И последнее про это молчание. Оно не делает меня лучше второго. Оно просто оставляет

вечер свободным, и в этом освободившемся времени часто оказывается что-то другое, о чём можно говорить без ссоры.

Ждать трудно ещё и потому, что я боюсь упустить момент. Кажется, что если не сказать сейчас, то потом будет поздно, и разговор не случится вовсе. Но разговор, который держится на одной фразе, сказанной в одну секунду, — это не разговор, а случайность. Иногда я всё-таки не выдерживаю, и тогда лучше признать это сразу: кажется, я начал первым. Одна фраза, и напряжение падает, потому что оба видят, что происходит, и круг теряет опору в виде невидимости.

Но есть и обратная сторона: иногда ждать нечего. Человек молчит, вечер идёт, и разговор не начинается, потому что его и не должно было быть. И тогда ожидание оказывается не приёмом, а просто вечером, и это, наверное, лучший результат из всех. Иногда за эти полминуты выясняется, что человек тоже готовился к разговору и ждал повода. Тогда круг всё равно случится, но начнётся он с его фразы, и я окажусь в роли отвечающего, а не предъявляющего. Это не победа, но это другой расклад, и в нём иногда получается услышать то, что в привычном не слышалось.

Подождать ответа

Подождать — вторая половина действия. Не начал и жду: что скажет она, что скажу я, чем это кончится. Ожидание неприятно, потому что в нём нет контроля, а контроль — единственное, что круг мне давал. Ждать приходится недолго. Обычно через полминуты разговор идёт сам, и часто это

обычный разговор про день, без всякой драмы. И тогда становится видно, сколько вечеров было испорчено только потому, что я не мог подождать тридцать секунд.

Рядом есть и техническая сторона: ожидание требует дела. Если сидеть и ждать молча, напряжение растёт; если заняться чем-то — налить чаю, открыть окно, — время идёт легче. Дело не отвлекает от разговора, оно держит место, пока разговор не начнётся сам. Случается, что человек тоже ждёт. Тогда получается длинная пауза, и в ней оба чувствуют неловкость, и кто-то всё равно начинает. Если это я — ничего страшного, но лучше, чтобы это было решением, а не рефлексом.

В одну фразу: я дождался. Проверка недолгая: если разговор начался не с моей фразы, значит, дождался. Если с моей, значит, не дождался, и это стоит признать без драмы. Последнее про это ожидание. Оно не про силу воли и не про характер. Оно про простую вещь: круг начинается с фразы, и если фразы нет, круга тоже нет. Всё остальное — следствие, и это единственное место, где у меня действительно есть выбор.

Закончу про эти тридцать секунд. В них нет ничего героического, и они не меняют человека. Они меняют только одно: с чего начинается вечер. А вечер, начатый иначе, заканчивается иначе, и за год таких вечеров набирается достаточно, чтобы стало заметно. Добавлю к этому: первый ход не всегда мой. Бывают вечера, когда начинают со мной, и то-

гда у меня остаётся второй выбор: отвечать по сценарию или нет. Первый ход задаёт направление, но не решает всё, и это важно помнить, чтобы не превращать отказ от первого хода в новую обязанность.

Пятый раз

Я считал в уме, пока мы ссорились. Не специально, просто в какой-то момент понял, что это уже пятый разговор про одно и то же за месяц, и дальше слушал уже с этим числом в голове. Пятый раз за месяц. Не за год, не за жизнь, а за тридцать дней, и в этом числе было что-то такое, от чего спор сразу стал выглядеть иначе. Не как отдельная ссора из-за ерунды, а как закономерность, у которой есть частота.

Я сказал это вслух, когда дошло до паузы. И пауза стала длиннее обычной, потому что человек тоже начал считать, и в его счёте, наверное, выходило другое число, но само занятие оказалось общим. Критерий в одну фразу: я назвал число. И проверить легко: если я могу сказать, сколько раз это было, значит, я считал. Если помню только, что «постоянно», значит, я не считал, а жаловался.

Считать я начал случайно: в телефоне остались заметки с прошлых разговоров, короткие, по одной строке. Я их пролистал и увидел, что четыре из пяти начинались одинаково, и это было неприятнее любой ссоры, потому что ссору можно забыть, а список нельзя. Но есть и своя ирония: я человек, который любит точность в работе, и в работе я считаю всё. Дома я не считал, потому что считал, что дома точность неуместна. Оказалось, что дома она нужна ещё больше, потому что здесь всё держится на памяти, а память у обоих из-

бирательная.

Пятый за месяц

Месяц — хорошая мера, потому что в нём помещается жизнь: работа, усталость, деньги, поездки. Если одно и то же повторяется пять раз за месяц, значит, оно повторяется в разных условиях, и условия тут ни при чём. Я стал считать после того, как поймал себя на фразе «ты всегда». Она была несправедливой: не всегда, а пять раз, и между этими двумя словами огромная разница. «Всегда» — это приговор, «пять раз» — это факт, с которым можно работать.

Плюс есть практическая сторона: число сразу снимает половину эмоций. Пока я говорю «постоянно», я жалуюсь, и жалоба требует сочувствия. Когда я говорю «пятый раз», я сообщаю, и сообщение требует решения. Иногда число оказывается маленьким, и тогда стыдно. Я готовился к ссоре, считал её большим событием, а посчитал и увидел: три раза за месяц, и все три — по делу. Тогда спор оказывается не кругом, а нормальной жизнью, и это тоже полезно узнать.

Проверочный знак: я назвал число. Проверка на месте: если число точное, значит, я считал. Если приблизительное, значит, я оценивал на глаз, а на глаз всегда выходит «постоянно». Закончу про этот месяц. Мы потом вспоминали его вместе, и она сказала, что думала, будто было больше. Я тоже думал, что больше. Число оказалось меньше наших ощущений, и это, наверное, самая частая история про круги: они кажутся бесконечными, пока их не посчитаешь.

Когда считаешь по началу, обнаруживается странная вещь: начало почти всегда бытовое. Не измена, не скандал, не что-то большое, а тарелка, опоздание, забытый звонок. Большое если и было, то давно, и оно уже не начало, а фон.

Я замечал, что число меняется от того, как считать. Если считать только те разы, когда было громко, выходит два. Если считать все, включая тихие и короткие, выходит пять. И второе честнее, потому что тихие разы портят вечер не меньше громких, просто их легче не заметить.

Месяц повторов

Месяц удобен ещё и тем, что его можно оглянуть целиком. Год не оглянешь, в нём слишком много, а месяц помещается в память, и по нему видно, что было и чего не было. Я пробовал считать за неделю — слишком коротко, попадаются случайности. Пробовал за год — слишком долго, начинаю путать и приписывать. Месяц — ровно столько, чтобы увидеть закономерность и не утонуть в подробностях.

И техническая сторона тут есть: считать надо по началу, а не по концу. Конец у всех ссор похож, а начало у каждой своё, и именно по началу видно, что это один и тот же круг, а не разные истории с одинаковым финалом. Бывает и так, что за месяц ничего не было, и это тоже результат. Тишина в течение месяца — не доказательство, что всё решено, но это уже данные, а не ощущение, и на них можно опираться.

Мерило, если сжато: я посчитал за месяц. И проверка короткая: если я могу назвать месяц, значит, считал. Если пом-

ню только «в последнее время», значит, я говорю о чувстве, а не о счёте. Скажу ещё про этот месяц. Он не обязан быть типичным. Бывают месяцы, когда всё горит, и бывают тихие, и по одному месяцу нельзя судить о годе. Но по одному месяцу уже можно увидеть, что круг существует, и этого достаточно для начала.

Была и третья причина не считать: суеверие. Мне казалось, что если начать вести учёт, отношения станут бухгалтерией, а в бухгалтерии нет любви. Я и сейчас думаю, что в этом есть доля правды, но только доля: бухгалтерия начинается там, где считают для предъявления, а не для понимания. Ещё я боялся, что число обидит её. Как будто пять — это много, и она воспримет это как обвинение. Оказалось наоборот: она удивилась, что так мало, и сказала, что думала, будто мы ссоримся чаще. Число не обидело, оно скорее успокоило обоих.

Не считать

Считать не хочется, и причины у этого две. Первая — страх: число выглядит приговором, и пока не считаешь, есть надежда, что всё не так плохо. Вторая — удобство: пока числа нет, можно оставаться в обиде, а обида не требует действий. Я жил в этом годами. Мне казалось, что считать — это мелочность, что любящие люди не ведут учёт, и что счёт разрушает близость. Теперь я думаю иначе: учёт разрушает не близость, а иллюзию, а иллюзия близости и так не держится.

Но есть и обратная сторона: считать можно по-разному.

Если считать, чтобы предъявить, получится оружие, и это хуже, чем не считать вовсе. Счёт нужен мне, чтобы увидеть, а не чтобы победить в споре, и разница тут в том, что я делаю с числом. Бывает, что человек считает за меня и предъявляет. Тогда число звучит как обвинение, и я защищаюсь, вместо того чтобы слушать. В таком случае полезно разделить: он говорит своё число, я говорю своё, и часто они не совпадают, и это уже интересно.

Критерий шага: я не боялся считать. Проверка нехитрая: если я могу назвать число и не почувствовать, что вынес себе приговор, значит, не боялся. Если почувствовал, значит, счёт ещё про вину, а не про наблюдение. Остаётся сказать про этот отказ. Он понятен: считать больно, потому что число показывает, сколько времени ушло. Но время уходит независимо от того, считаю я или нет, и незнание не экономит ни дня.

Про вечер я понял не сразу, а когда стал записывать время. Все пять разговоров начинались между десятью и одиннадцатью вечера, и это было открытие: не тема выбирала время, а время выбирало тему. В десять вечера любая мелочь звучит как приговор. Рядом есть и техническая сторона: у закономерности всегда есть условие. Если найти условие, круг можно обойти, не меняя ни характеров, ни отношений. Мы просто перестали обсуждать важное после десяти, и за следующий месяц число упало вдвое, хотя никто не стал лучше.

Я долго не верил, что условие может быть таким простым. Мне казалось, что причина серьёзная, а время — это мелочь. Но мелочь повторялась пять раз подряд, и в конце концов пришлось признать, что простое объяснение работает лучше красивого.

Событие и закон

Событие и закономерность — разные вещи, и разница между ними в том, что с ними можно сделать. Событие можно пережить и забыть, закономерность можно изменить, потому что у неё есть причина. Пока ссора выглядит событием, я остаюсь в ней как в погоде: сегодня дождь, завтра солнце, ничего не поделаешь. Как только она становится закономерностью, появляется вопрос «почему», и на него можно искать ответ. Рядом есть и практическая сторона: закономерность всегда имеет механизм. Пятый раз за месяц означает, что есть что-то, что запускает круг снова и снова, и это что-то не в характере, а в устройстве быта: время, усталость, распределение дел. Случается, что закономерность обнаруживается не там, где искали. Я думал, что дело в темах, а оказалось — в часах: все пять разговоров начинались после десяти вечера, когда оба устали и ни у кого нет запаса терпения.

Коротко так: я увидел закон. Проверить легко: если я могу назвать, что запускает круг, значит, увидел. Если только «так выходит», значит, я всё ещё смотрю на события. Закончу про это различие. Оно не отменяет чувств: ссора остаётся неприятной, даже когда понятно, откуда она. Но к неприят-

ному добавляется понимание, а с пониманием жить легче, чем с одной только погодой.

Место для числа тоже важно. Я пробовал говорить его в разгар и получал в ответ «ты считаешь», и это было справедливо: в разгар любое число звучит как оружие. В паузе оно звучит иначе, потому что пауза уже сама по себе говорит, что мы остановились. Иногда паузы нет и взять её негде. Тогда я жду следующего дня, и это нормально: число не портится от того, что прозвучит позже. Спешка тут вредна, потому что превращает наблюдение в выпад, а выпад всегда вызывает защиту.

Есть ещё одна тонкость: число надо называть своё, а не чужое. «Ты ссоришься пятый раз» — это обвинение, «я ссорюсь пятый раз» — это наблюдение. Мы ссоримся оба, но начинаю я, и потому честнее говорить про себя, даже когда речь о нас двоих.

Назвать число

Назвать число — это одна фраза, сказанная в подходящий момент. Не в разгар, не в конце, а в паузе, когда разговор на секунду останавливается сам. Фраза должна быть сухой. «Это пятый раз за месяц» — без «уже», без «опять», без вздоха. Любая добавка превращает число в упрёк, и тогда оно работает против разговора, а не на него.

И рядом есть техническая сторона: после числа нужна пауза. Человеку надо осмыслить, и если я продолжаю говорить, число теряется в потоке. Пауза после числа — это половина

действия, а само число — только повод. Бывает и так, что человек не соглашается с числом. Тогда спор идёт о счёте, и это уже лучше, чем спор о характерах, потому что счёт можно проверить: вспомнить даты, восстановить по дням. Проверка сближает, даже если числа не совпадают.

Коротко критерий такой: число прозвучало без оценки. Проверить нетрудно: если я могу повторить фразу теми же словами, значит, она была сухой. Если при повторе хочется добавить «уже», значит, я всё-таки упрекал. Добавлю про это число. Оно не решает проблему. Оно только делает её видимой, и видимая проблема впервые становится общей: до этого у каждого было своё ощущение, а теперь есть одно число на двоих.

Местоимение «нас» я подсмотрел случайно, у человека, который так разговаривал с женой. Он говорил не «ты», не «я», а «нас», и в этом было что-то, что снимало обвинение, не снимая ответственности. Я попробовал и удивился, насколько проще стало говорить. Тут есть и обратная сторона: «нас» нельзя произносить фальшиво. Если я говорю «нас», а внутри считаю, что виновата она, это слышно, и фраза работает хуже прямого упрёка. Местоимение требует честности, иначе оно превращается в приём.

Последнее про этот месяц: он закончился, и наступил следующий, и в нём было два раза. Мы ничего специально не делали, просто стали замечать время и перестали начинать поздно. Два раза за месяц — это уже не круг, а жизнь, и я

впервые за долгое время почувствовал разницу между этими двумя вещами. Есть и ещё одна причина, по которой стоит говорить число: оно возвращает разговору масштаб. В ссоре всё кажется огромным, потому что видно только этот вечер. Число показывает, что вечеров было пять, и что между ними были дни, когда всё шло нормально, и это тоже часть правды.

Сказать число вслух

Сказать вслух труднее, чем посчитать. Пока число в голове, оно моё и никого не задевает. Произнесённое, оно становится общим, и с этого момента его нельзя не учитывать. Я долго не говорил, потому что боялся: скажу — и человек услышит «ты меня достала». Пришлось учиться говорить так, чтобы слышалось другое: «нас достало, и я хочу это прекратить». Разница в местоимении, и она решает.

С практической стороны тут так: число лучше называть вместе с предложением. «Пятый раз за месяц, давай попробуем иначе» — это уже не упрёк, а план. Без предложения число звучит как приговор, с предложением — как начало работы. Случается, что предложения нет, потому что я не знаю, что делать. Тогда честнее сказать: «Пятый раз, и я не знаю, что с этим делать». Это тоже работает, потому что приглашает думать вместе, а не защищаться.

Если совсем коротко: после числа был следующий шаг. И проверка недолгая: если разговор после числа сдвинулся, значит, шаг был. Если число повисло и все замолчали, значит, я его бросил и ушёл. Закончу про этот счёт. Он не дела-

ет меня строгим судьёй и не даёт права на приговор. Он даёт только одно: общую точку, от которой можно начать, вместо двух разных ощущений, которые годами не совпадали.

Напоследок про этот счёт. Он не про то, чтобы поймать и предъявить. Он про то, чтобы увидеть: пока у круга нет числа, он кажется бесконечным и потому неодолимым. Число делает его конечным, а конечное уже можно как-то обойти, хотя бы попробовать. И это, пожалуй, единственное, что я могу сказать про счёт без всякой надежды на чудо. И это, пожалуй, всё, что можно сказать про счёт: он нужен не для того, чтобы поймать, а чтобы увидеть, сколько раз одно и то же уже было.

Круг в чужой голове

Она сказала: я не успела. Просто «я не успела», про ужин, и в этом не было ни капли упрёка. А я услышал другое: я опять не подумал, я опять пришёл и жду, я опять считаю, что всё должно быть готово. И ответил на это. Сказал что-то про то, что тоже устал, и что можно было предупредить, и что я не требую. Она подняла глаза и сказала: я ничего такого не сказала.

И это было правдой. Она сказала короткую фразу про ужин, а я ответил на абзац, которого не было, и в этом абзаце был весь наш прошлый год, и ещё позапрошлый, и всё, что я когда-либо слышал в подобных фразах. Критерий в одну фразу: я ответил на сказанное, а не на запомненное. Проверка на месте: если я могу повторить её фразу дословно, значит, я отвечал на неё. Если помню только смысл, который в ней был для меня, значит, я отвечал на запись.

Готовый ответ поднимается из живота, и это не метафора. Сначала становится тепло, потом появляется слово, и слово это всегда одно и то же: «опять». Дальше речь собирается сама, и я успеваю только наблюдать, как говорю. Кастрюля стояла на плите, и она помешивала, и не повернулась, когда я говорил. Это, наверное, и спасло вечер: если бы она повернулась и посмотрела, я бы говорил громче и дольше, потому что лицо требует ответа, а спина не требует.

Кухня и ответ

Кухня, вечер, кастрюля на плите, и она стоит спиной, потому что что-то доделывает. Фраза про то, что не успела, сказана в спину, негромко, скорее для себя, чем для меня. Я в этот момент думал о своём и не собирался ни с кем разговаривать. Но фраза попала в знакомое место, и оттуда поднялся готовый ответ, и я его произнёс, даже не заметив, что меня об этом не просили.

Рядом есть и практическая сторона: такие ответы всегда быстрее обычных. Обычный ответ требует, чтобы я услышал, понял и придумал. Готовый не требует ничего: он лежит наготове и выходит сам, и именно скорость выдаёт, что он не про сейчас. Случается, что человек действительно говорит одно, а имеет в виду другое. Тогда готовый ответ попадает точно, и разговор идёт как надо. Но угадывать каждый раз невозможно, и когда я угадываю, это удача, а не умение.

Мерило этого шага: я заметил, что отвечаю не на то. И проверка короткая: если я могу сказать, что именно она произнесла, значит, заметил. Если помню только своё возмущение, значит, я уже был внутри записи и ничего не слышал. Закончу про эту кухню. Она потом сказала, что не обиделась, а удивилась: я ответил на что-то, чего не было, и ответ был длинный и горячий. И это удивление было хуже обиды, потому что оно показывало, насколько я в этом один.

Самая старая моя запись звучит так: «в твоём возрасте». Её говорили в детстве, и она означала «ты недостаточно ста-

раешься». Сейчас её никто не говорит, но стоит кому-то произнести похожее, и я отвечаю так, будто мне снова двенадцать. Я замечал, что запись всегда громче живого голоса. Живой человек говорит тихо, с паузами, иногда невнятно, а запись звучит чётко и уверенно, потому что она отрепетирована. И я выбираю верить записи, хотя она всего лишь память о чужой интонации. Есть и ещё одно свойство у этих записей: они не стареют. Человек, который их когда-то оставил, давно изменился, постарел, подобрел или ушёл, а запись звучит его тогдашним голосом, и я разговариваю с ним, а не с тем, кто сейчас сидит напротив.

Запись в голове

В голове у меня хранятся записи. Не мысли, не воспоминания в обычном смысле, а именно записи разговоров: интонации, начала фраз, то, что было сказано после. И некоторые из них очень старые. Когда звучит похожая фраза, запись запускается, и я слышу не сегодняшний голос, а тот, старый, с той интонацией. И отвечаю на старый голос, потому что он громче, а сегодняшний тише и короче. Есть тут и техническая сторона: запись запускается по ключу, а ключом может быть одно слово. «Опять», «успела», «как всегда» — и всё, я уже не здесь. Чем больше таких слов, тем чаще я разговариваю не с человеком, а с архивом.

Иногда запись точная, и тогда это не фантазия, а память. Человек действительно говорил это раньше, и говорит снова, и мой ответ уместен. Но и тогда стоит проверить, пото-

му что люди меняются, а записи нет. Мерило, если сжато: я услышал, что звучит запись. Проверить легко: если ответ пришёл слишком быстро и слишком гладко, значит, это запись. Живой ответ всегда немного корявый, потому что его придумывают на ходу.

Последнее про эти записи. Они не враги. Они когда-то помогали выживать, и в них хранится опыт, который жалко терять. Плохо только то, что они включаются сами и говорят вместо меня, а я узнаю об этом по последствиям.

Когда она это сказала, мне стало стыдно, и стыд был не про вину, а про то, что меня увидели. Я стоял и отвечал на что-то своё, и это было видно со стороны, как видно человека, который разговаривает во сне. Тут рядом есть своя польза: стыд быстро учит. После двух таких вечеров я стал слышать себя со стороны, и это оказалось неприятным навыком, но полезным. Теперь я замечаю, что начинаю отвечать на запись, по одной вещи: я говорю длиннее, чем нужно.

Тут и ещё одна вещь в записях, которую я понял поздно: они хранят слова вместе с тоном. Один и тот же текст, сказанный устало и сказанный зло, звучит по-разному, а я слышу тот вариант, который записал, и потому отвечаю не на смысл, а на интонацию из прошлого.

Я ничего не говорила

Её «я ничего такого не сказала» — самая полезная фраза за весь вечер. В ней не было упрёка, была констатация: я ответил на то, чего не было, и она это заметила. Первая моя

реакция была защитная: я стал объяснять, что она сказала это таким тоном. И это была правда, тон действительно был, но тон — не текст, и отвечать на тон можно только тогда, когда человек готов обсуждать тон, а она не была.

Тут есть и обратная сторона: иногда люди действительно говорят одно, а делают вид, что сказали другое. Тогда «я ничего такого не сказала» — способ уйти от ответственности, и настаивать на своём бывает нужно. Но это редкость, и по умолчанию лучше верить словам. Бывает и так, что человек не помнит, что сказал. Это не ложь: люди говорят много и забывают, и через минуту искренне не помнят интонации. Тогда спор о том, что было, бесполезен, и остаётся только одно: говорить о том, что есть сейчас.

Признак, по которому видно: я принял её слова. Проверить легко: если я могу сказать «значит, я достроил», значит, принял. Если начал объяснять, какой был тон, значит, я всё ещё защищался, а не слушал. Закончу про эту фразу. Я стал говорить её сам, когда ловлю себя. «Кажется, я достроил» — и разговор сразу становится другим, потому что человеку не надо защищаться от того, чего он не говорил.

Однажды я достроил так, что мы не разговаривали неделю. Она сказала, что устала, а я услышал, что она устала от меня, и ответил соответственно, и она не поняла, что произошло. Потом выяснилось, что она устала на работе, и это была вся история. Неделя молчания из-за одного перевода — это, наверное, самая дорогая цена, которую я платил за

свою привычку. И самое обидное, что перевод был почти правильный: она действительно иногда устаёт от меня. Просто в тот вечер речь была не об этом.

Есть и практическая сторона: перевод всегда делает человека хуже, чем он есть. Я перевожу мягкую фразу в жёсткую, и потом обижаюсь на жёсткость, которую сам же и придумал. Получается, что я спорю с собственной выдумкой и проигрываю ей.

Достроить за неё

Достроить за другого — это привычка, и она появилась не из злого умысла. Я достраиваю, потому что боюсь не понять, а не понять значит оказаться в неловком положении. Поэтому я быстро перевожу сказанное на понятный мне язык. И перевод всегда неточный. Она говорит «я не успела», а я перевожу как «ты виноват». Она говорит «мне тяжело», я перевожу как «ты не помогаешь». Она говорит «я устала», я перевожу как «ты меня не жалеешь».

Рядом есть и техническая сторона: достраивание идёт по знакомой дороге. Чем чаще я слышал какую-то фразу в определённом смысле, тем вероятнее, что я снова переведу её так же, даже если сегодня смысл другой. Привычка перевода сильнее внимания. Иногда достроить надо. Если человек говорит намёками, а прямого смысла нет, приходится догадываться. Но догадка должна быть вопросом, а не утверждением: «ты про это?» вместо «ты хочешь сказать, что я виноват».

Коротко так: я не переводил. Проверка недолгая: если я

могу повторить фразу без перевода, значит, не переводил. Если в моём пересказе появились слова, которых не было, значит, переводил. Последнее про это достраивание. Оно кажется заботой о разговоре, а на деле это забота о себе: я спешу понять, чтобы не чувствовать неловкости. И человек, которому я приписал смысл, вынужден защищаться от моей версии, а не говорить свою.

На работе проверка работает так же. Начальник говорит: это надо было сделать раньше. Я слышу «ты не справляешься» и начинаю защищаться, а он имел в виду сроки. Одна секунда дословности спасает от получасового объяснения, которое никому не нужно.

Но есть и обратная сторона: дословность иногда выглядит как придирка. Если я повторяю за человеком его же слова, он может решить, что я его передразниваю. Поэтому повторяю про себя, а вслух спрашиваю уже своими словами, и это работает лучше. Я придумал для себя простое упражнение: перед ответом повторить фразу про себя целиком. Если она длиннее, чем мне помнилось, значит, я её достроил, потому что достроенное всегда короче и глаже настоящего.

Проверить фразу

Проверить фразу — это одно движение, и оно занимает секунду. Услышал, повторил про себя дословно, и если в повторе появилось что-то, чего не было, значит, я уже достроил. Дословность тут важнее смысла. Пока я держусь за слова, у меня есть шанс заметить подмену. Как только я перешёл к

смыслу, подмена становится незаметной, потому что смысл я и принёс с собой.

Тут же есть практическая сторона: проверка не требует, чтобы я молчал весь вечер. Достаточно одной секунды перед ответом, и в эту секунду я успеваю услышать, что она сказала «я не успела», а не «ты виноват». Дальше можно отвечать, и ответ будет другой. Случается, что проверка показывает: я услышал правильно, и она действительно имела в виду упрёк. Тогда всё в порядке, и можно говорить по существу. Проверка нужна не для того, чтобы сомневаться в человеке, а для того, чтобы не спорить с собственной памятью.

Как понять, что вышло: я повторил фразу дословно. И проверить несложно: если я могу сказать, какие слова были, значит, проверил. Если только «она что-то сказала про ужин», значит, я проверял смысл, а не слова. Остаётся сказать про эту проверку. Она не делает меня холодным следователем. Наоборот: человек, который слышит слова, а не свои догадки, разговаривает теплее, потому что ему не надо защищаться от того, чего не было.

Первый раз, когда я спросил «ты это сказала или я достроил», она засмеялась. Не обиделась, а засмеялась, потому что фраза была неожиданная и честная. И смех снял напряжение быстрее, чем любое объяснение, которое я готовил. Техническая сторона такая: спрашивать лучше не в момент, когда человек занят. Она мешала кастрюлю, и вопрос про смысл фразы в этот момент был бы странным. Я подождал, пока

она закончит, и спросил потом, и это оказалось правильным.

Остаётся сказать про этот вопрос. Он работает не всегда: иногда человек слышит в нём не заботу, а сомнение в своём уме. Тогда стоит добавить, что вопрос про меня: я часто слышу то, чего нет. Это правда, и она снимает обиду. И ещё одно, что стоит помнить: за неделю можно узнать человека лучше, чем за год догадок. Догадка всегда подтверждает то, что я уже думаю, а вопрос иногда показывает, что я ошибался, и это единственный способ узнать что-то новое.

Спросить, что значит

Спросить — это последнее, что остаётся, когда проверка не дала ответа. Один вопрос, короткий, без иронии: ты это сказала или я достроил? Формулировка важна. «Ты это сказала или я достроил» — вопрос о моей же голове, и в нём нет обвинения. «Ты что, хочешь сказать, что я виноват» — уже обвинение, и человек будет защищаться, даже если ни в чём не виноват.

Но есть и техническая сторона: спрашивать надо один раз. Если переспрашивать, человек начинает чувствовать себя под допросом, и разговор превращается в выяснение, кто что имел в виду, вместо разговора о деле. Иногда человек отвечает «ничего я не хотела сказать», и это тоже ответ. Тогда остаётся принять его и не искать второй смысл, даже если первый был. Взрослый разговор иногда состоит из того, чтобы поверить сказанному.

Коротко критерий такой: я спросил один раз. Проверка на

месте: если после вопроса разговор пошёл дальше, значит, спросил. Если мы стали выяснять, кто что имел в виду, значит, я задал не тот вопрос. Последнее про эту кухню. Мы поговорили ещё минут десять, спокойно, про ужин и про день, и в этом не было ничего значительного. Но я вышел с чувством, что говорил с человеком, а не с его архивом, и это оказалось редкостью, которую стоит беречь. Закончу про эту кухню. Круг в чужой голове самый незаметный из всех, потому что второго участника в нём нет. Я спорю один, отвечаю один и обижаюсь тоже один, и человек, который стоит рядом, даже не знает, что участвует в разговоре, которого не было.

Слова, которые не меняются

Она сказала: ты никогда. Дальше я не слушал, потому что знал продолжение наизусть: никогда не помогаешь, никогда не думаешь, никогда не замечаешь. Я мог бы произнести это вместе с ней, слово в слово, и не ошибиться. И ответил я тоже наизусть. Сказал, что это неправда, что я помогаю, что я думаю, и что вообще так разговаривать нельзя. Три предложения, которые я говорил в этом доме много лет, и они вышли так же гладко, как у неё.

Только в этот раз я услышал, что мы оба произносим текст. Не говорим, а именно произносим, как актёры, которые играют одну и ту же пьесу и уже не вкладывают в слова ничего, кроме привычки. Сжато: я не ответил заученной фразой. И проверка короткая: если я могу вспомнить, что сказал, и это не было из набора, значит, ответил. Если помню только общий смысл, значит, это была формула, и она сказалась сама.

Я тогда стоял у стола с чашкой в руках, и чашка была единственным, что я держал. Руки в таком разговоре мешают: некуда их деть, и они выдают, что человек не знает, что делать. С чашкой проще, и потому я её не ставил. Рядом есть и своя ирония: я хорошо знаю это слово со стороны обвиняемого, но сам пользуюсь им не реже. Когда я говорю «ты никогда не слушаешь», я делаю то же самое, и делаю это пер-

вым, и потом удивляюсь, что в ответ приходит то же слово.

Кухня и «ты никогда»

Слово «никогда» — это не про время, а про силу. Оно превращает пять случаев в бесконечность и снимает с человека возможность исправиться, потому что бесконечность нельзя опровергнуть никакими отдельными поступками. Я знаю это слово хорошо, потому что пользуюсь им сам. «Ты никогда не слушаешь», «ты никогда не помнишь», «ты никогда не спрашиваешь». Каждое из них было правдой в том смысле, что случалось часто, и ложью в том смысле, что случалось не всегда.

Рядом есть и практическая сторона: «никогда» экономит время. Не надо подбирать факты и считать, достаточно сказать одно слово, и собеседник уже защищается. Это удобно и совершенно бесполезно, потому что разговор после такого слова идёт не о деле, а о том, кто из нас прав в масштабе жизни. Бывает и так, что «никогда» сказано с горя и человек сам не рад. Тогда достаточно подождать минуту, и он вернётся к нормальным словам. Но если «никогда» звучит каждый раз, значит, это уже не горячность, а часть текста, и текст надо менять.

Проверочный знак: я услышал формулу. И проверить легко: если я могу назвать слово, которое её запускает, значит, услышал. Если помню только, что было обидно, значит, формула сработала и я уже в ней. Закончу про это слово. Оно не делает человека злым. Оно делает разговор бесконечным,

потому что с бесконечностью нельзя договориться, а можно только спорить, и спор этот никогда не кончается.

Мы однажды попробовали доиграть до конца нарочно. Договорились говорить по тексту и смотреть, что будет. Дошли до середины и засмеялись, потому что дальше шла совсем уж нелепая реплика, которую мы оба помнили дословно. Смех тогда спас вечер, но текст остался. Здесь же есть техническая сторона: текст держится на предсказуемости. Стоит одному участнику сказать что-то вне сценария, и второй на секунду теряется, потому что не знает своей реплики. Эта секунда и есть место, где можно что-то изменить.

Слово в слово

Мы говорили слово в слово, и это было слышно. Она начинала фразу, я знал её конец, она знала мой ответ, и мы оба знали, чем кончится, и всё равно продолжали, потому что остановиться в середине текста труднее, чем доиграть. Есть и техническая сторона: заученные фразы произносятся без интонации. Живая речь всегда с запинками, с паузами, с поиском слова. Формула идёт ровно, как по бумаге, и именно ровность выдаёт, что человек не думает.

Я замечал это за собой по дыханию: когда я говорю формулу, я не дышу. То есть дышу, конечно, но не так, как в живом разговоре, где дыхание подстраивается под мысль. Формула идёт на одном выдохе, потому что в ней нечего искать. Бывает и так, что человек говорит формулой, потому что устал. Тогда любая попытка разобрать слова выглядит как

придирка. Но и в этом случае полезно знать, что это формула, и не принимать её за настоящую мысль.

Критерий в одну фразу: я услышал ровность. Проверить легко: если речь шла гладко и без запинок, значит, это был текст. Если с паузами и поиском, значит, человек говорил сам. Остаётся сказать про эту гладкость. Она обманчива: гладкая речь кажется убедительной, и потому формулы так живучи. Они звучат лучше правды, потому что правда всегда немного корява.

Про «ты никогда» я потом узнал у неё, что она и сама не любит это слово. Оно выходит само, когда устала, и она это слышит и злится на себя. Так что мы оба произносили фразу, которая нам обоим не нравилась, и никто не мог остановиться. Случается, что фраза затвердевает не от частоты, а от одного случая. Одна очень плохая ссора оставляет формулу, и потом она повторяется в похожих ситуациях, хотя ситуация была одна. Так одно событие становится языком на годы.

Есть ещё одна причина, по которой фразы твердеют: они экономят объяснение. Один раз объяснил подробно, второй раз сказал коротко, третий раз сказал формулу, и формула прижилась, потому что она быстрее. Скорость тут работает против смысла.

Затвердевшая фраза

Фраза затвердевает постепенно. Сначала она живая и точная, потом её повторяют в похожей ситуации, потом в менее похожей, и через несколько лет она означает уже не то, что

означала, а просто «началось». У нас так вышло с фразой про помощь. Когда-то она значила конкретное: в тот вечер я не помог с ребёнком. Потом она стала значить «ты вообще не участвуешь». Сейчас она значит «мне плохо, и я не знаю, как сказать иначе».

Но есть и обратная сторона: затвердевшая фраза — это единственное, что человек может сказать, когда ему плохо. Он не выбирает её, она выбирается сама, потому что другие слова в этот момент недоступны. И если я отвечаю на буквальный смысл, я отвечаю не туда. Иногда затвердевшую фразу можно размягчить. Для этого её надо принять, а потом спросить, что она значит сегодня. Вопрос простой, но он возвращает словам содержание, и разговор сразу становится другим.

Критерий шага: я увидел, что фраза старая. Проверить нетрудно: если я могу вспомнить, когда она появилась, значит, увидел. Если она кажется вечной, значит, она уже часть меня, и это хуже. Последнее про эти фразы. Они не враги и не глупость. Это способ говорить о важном, когда важное не помещается в слова. Плохо только то, что со временем способ заменяет содержание, и люди годами спорят о форме, забыв, о чём был разговор.

«Ну конечно» у нас самое опасное, потому что звучит почти мирно. Оно означает «я не верю ни одному твоему слову», но произносится так мягко, что его легко не заметить. А после него круг идёт быстрее всего, потому что человек уже

не ждёт ответа. Рядом есть и обратная сторона: если сигналов слишком много, жить становится трудно. Каждая фраза кажется началом ссоры, и люди начинают говорить шёпотом и намёками, а намёки раздражают ещё сильнее. Сигналов должно быть мало, иначе они перестают что-либо значить.

Есть и ещё одно свойство у сигнала: он срабатывает раньше, чем я успеваю решить, обидно мне или нет. Сначала приходит реакция, потом оценка, и в этой последовательности вся проблема. Если бы сначала была оценка, половина кругов не начиналась бы вовсе.

Сигнал к началу

Затвердевшая фраза работает как сигнал: она сообщает, что круг начался, и дальше всё идёт по накатанной. Услышал «ты никогда» — значит, следующие десять минут известны. Сигналов немного, и они у каждой пары свои. У нас это «ты никогда», «как всегда» и «ну конечно». Три фразы, и каждая открывает свою ветку разговора, но все три ведут в одно место.

Тут есть и практическая сторона: сигнал полезно знать заранее, потому что он даёт секунду. Пока я слышу смысл, я уже отвечаю. Когда я слышу сигнал, у меня есть выбор: отвечать как обычно или не отвечать вовсе. Бывает и так, что сигнал звучит в шутку, и тогда его легко пропустить. Но если после шутки разговор всё равно пошёл по кругу, значит, это был не шутка, а тот же сигнал, только с улыбкой, и улыбка

тут ничего не меняет. Критерий, если коротко: я услышал сигнал. И проверка недолгая: если я могу назвать фразу, значит, услышал. Если помню только, что «началось», значит, я услышал не сигнал, а собственное раздражение.

Закончу про эти сигналы. Они не всегда плохие. Иногда сигнал сообщает, что человеку действительно плохо и ему нужно внимание. Плохо то, что внимание он получает в виде ссоры, а мог бы получить иначе, если бы сигнал был понят.

Первые разы я просто молчал, и это было плохо: молчание читалось как презрение. Потом научился говорить короткое и нейтральное: «слышу тебя». Два слова, и они не из набора, и потому разговор не идёт по накатанной. И здесь есть практическая сторона: новая фраза не обязана быть умной. Она обязана быть другой. Даже «не знаю, что сказать» работает, потому что это правда, а правда всегда выбивается из текста, который писали не для правды.

И ещё деталь: чтобы не отвечать формулой, нужно знать свои формулы. У меня их четыре, и я их выписал, и это оказалось неприятным занятием, потому что все четыре звучали как оправдания, а я считал себя человеком, который не оправдывается.

Не отвечать формулой

Не отвечать формулой — это значит не брать свою готовую реплику. Она уже поднимается, она удобная и знакомая, и в ней есть ответ, который когда-то работал. Вместо неё можно сказать что-то короткое и неидеальное: «слышу»,

«подожди», «давай по-другому». Эти слова не из набора, и потому они останавливают текст, хотя ничего не решают.

Техническая сторона простая: новая фраза всегда короче формулы. Формула занимает три предложения, потому что она объясняет и защищает. Живая фраза занимает два слова, потому что она только обозначает присутствие. Бывает, что формула всё-таки выходит, и тогда лучше признать это вслух: «кажется, я опять сказал как обычно». Одна фраза, и круг размыкается, потому что оба видят текст, а не только слышат его. Критерий у этого шага: я не сказал свою реплику. Проверить нетрудно: если после разговора я не могу вспомнить, что говорил, значит, говорил формулами. Если помню, значит, говорил сам.

В конце — про это молчание. Оно неловкое, потому что в нём нет привычного хода. Но неловкость длится секунды, а привычный ход забирает вечер, и выбор тут очевидный, хотя сделать его каждый раз трудно. Про сегодня я спрашиваю теперь почти всегда, когда слышу «никогда». Иногда это выглядит наивно, и человек смотрит как на дурака. Но чаще он задумывается, потому что вопрос простой и на него действительно есть ответ, просто его никто не задавал.

Случается, что ответ оказывается мелочью: помой посуду, позвони матери, не уходи в телефон. И тогда становится смешно, потому что из-за этого были годы ссор. Но смех тут не издевательство, а облегчение: оказывается, всё это время спор был не о жизни, а о посуде. И последнее про эти вопро-

сы: они не должны превращаться в приём. Если спрашивать «что сейчас» после каждой фразы, человек почувствует себя на приёме, а не дома. Вопрос работает редко и по делу, иначе он становится новой формулой.

Но есть и своя тонкость: спрашивать «что сейчас» имеет смысл только тогда, когда я готов услышать ответ, который мне не понравится. Если я спрашиваю, чтобы потом возразить, лучше не спрашивать вовсе: вопрос, заданный для вида, слышен так же отчётливо, как и формула.

Что сейчас

«Что сейчас» — вопрос, который возвращает словам содержание. Не «что ты имела в виду тогда», а «что это значит сегодня». Тогда — это архив, сегодня — это человек, который стоит рядом. Спрашивать надо мягко, и лучше не в момент, когда фраза только что прозвучала. Через минуту, когда первый жар прошёл, вопрос звучит как интерес, а не как вызов, и человек отвечает на него охотнее. Рядом есть и практическая сторона: ответ на этот вопрос часто оказывается совсем другим. «Ты никогда» сегодня значит «я устала и мне нужно, чтобы ты взял часть дел», и это уже конкретно, и это можно сделать сегодня же.

Иногда человек не может ответить и злится. Тогда стоит предложить свою догадку: «мне кажется, это про усталость». Догадка может быть неверной, но она показывает, что я пытаюсь понять, а не отбиться. Коротко так: я спросил про сегодня. И проверка короткая: если после вопроса разговор стал

конкретным, значит, спросил. Если мы вернулись к «ты никогда», значит, вопрос не сработал, и это тоже бывает. Последнее про этот вечер. Мы закончили не ссорой и не примирением, а списком дел, который она продиктовала, а я записал. Смешно, но это был первый раз за месяц, когда после «ты никогда» мы что-то сделали, а не только поссорились.

Закончу про этот вечер. Мы не решили ничего большого, и текст наш не изменился целиком. Но в нём появилась одна новая фраза, и на следующий раз мы оба её вспомнили. Текст меняется по одной фразе, и другого способа, наверное, нет. И это, пожалуй, всё: фраза перестаёт быть сигналом, когда её один раз произносят целиком и слышат, как она звучит со стороны. Остаётся добавить, что менять текст разговора можно только по одной фразе, и другого способа, сколько я ни пробовал, не существует.

Что мы на самом деле делим

Мы спорили про посуду. Кто мыл вчера, кто должен сегодня, почему я оставляю чашку в раковине. И в какой-то момент я понял, что спор идёт не про чашку и даже не про справедливость, а про то, кто из нас больше устаёт. Сказал вслух: мы делим не посуду, а усталость. Она замолчала, потом сказала: ну да. И разговор сразу стал другим, потому что усталость можно считать, а посуду считать бессмысленно. Коротко критерий такой: я назвал предмет дележа. Проверка короткая: если после моего слова спор потерял ход, значит, я попал. Если он пошёл дальше с той же скоростью, значит, я назвал ещё одну тему.

Чашка стояла в раковине с утра, и я её видел несколько раз и не помыл, потому что торопился. Это правда, и в ссоре она всплыла первой, потому что правда, которую можно показать пальцем, всегда удобнее правды, которую нельзя. Но есть и своя ирония: я мою посуду чаще, чем она, но чашка осталась моей, и одного факта хватило, чтобы перечеркнуть неделю. Люди в ссоре не считают среднее, они берут последний случай, потому что он свежий и его легко предъявить.

Посуда и усталость

Посуда удобна тем, что её видно. Чашка в раковине — факт, который можно предъявить, и на него нельзя ответить «мне кажется». Поэтому ссоры о посуде такие частые: это

единственный способ поговорить о невидимом через видимое. За чашкой стоит усталость, и она невидима. Её нельзя показать, нельзя измерить, нельзя предъявить как факт. И пока она не названа, каждый считает свою больше, потому что свою он чувствует, а чужую только видит.

Рядом есть практическая сторона: посуда решается за пять минут, а усталость за пять минут не решается. Поэтому люди предпочитают спорить о посуде: там есть шанс на победу. Усталость побед не предполагает, и это отпугивает. Бывает и так, что дело действительно в посуде. Если один моет всегда, а второй никогда, это не символ, а несправедливость, и её надо решать как дело. Отличить просто: дело решается один раз, а символ возвращается каждый вечер.

Признак, по которому видно: я увидел, что за предметом. Проверить легко: если я могу назвать, что стоит за чашкой, значит, увидел. Если нет, значит, я всё ещё спорю о чашке, и это не так уж плохо, но бесполезно. Остаётся сказать про эту посуду. Мыть её я стал больше, и это не решило ничего, потому что дело было не в ней. Но пока я мыл, у меня было время подумать, и в какой-то из вечеров я наконец понял, о чём мы говорим.

Одна неделя всё изменила: она заболела и пролежала три дня, и я делал всё сам. К четвёртому дню я понял, что не понимал раньше, и это понимание было не про справедливость, а про объём: я просто не знал, сколько всего делается. После её выздоровления я не стал лучше, но стал осторож-

нее в словах. Теперь, когда мне кажется, что я устал больше, я вспоминаю ту неделю и замолкаю, потому что помню: моё «больше» измерено прибором, которого у меня нет.

Мы пробовали сравнивать по-честному, по списку дел, и это оказалось скучным занятием. Скучным и бесполезным: списки совпадали по объёму, а усталость у обоих была разная, потому что одни и те же дела устают по-разному. Так сравнение само себя отменило.

Кто больше устаёт

Усталость нельзя сравнить, и в этом её главная особенность. Моя усталость измеряется изнутри, её — только по внешним признакам, и эти два измерения несопоставимы. Я вижу, как она приходит и садится, и думаю: у меня был день не легче. Она видит, как я сижу с телефоном, и думает: он отдыхает, а я делаю. Оба правы в своём измерении, и оба не видят чужого.

И техническая сторона тут есть: у усталости нет единицы. Часы работы не годятся, потому что час в цеху и час в кабинете устают по-разному. Количество дел тоже не годится, потому что дела бывают разные. И потому спор о том, кто больше устаёт, не имеет решения в принципе.

Случается, что люди находят свой способ сравнивать. Не точный, а рабочий: кто встал раньше, кто спал хуже, у кого была тяжёлая встреча. Это не измерение, а разговор, и он полезнее любого спора о справедливости. Коротко: я не стал сравнивать. Проверка недолгая: если я могу сказать, что

признал её усталость, не сравнивая со своей, значит, не стал. Если начал мерить, значит, мы всё ещё в споре о том, кто больше. Последнее про эту усталость. Она не делится пополам. В некоторые месяцы её больше у одного, в другие у другого, и справедливость тут не в равенстве, а в том, чтобы это замечать и говорить.

У наших знакомых на холодильнике висел список дел, и я долго считал это признаком плохой семьи. Потом они развелись, а список был ни при чём: он как раз помогал им годами не ссориться из-за мелочей, и в конце они разошлись по другой причине. Но есть и техническая сторона: список работает, потому что он внешний. Пока счёт в голове, его можно трактовать в свою пользу; когда он на бумаге, трактовать нечего, и это снимает половину напряжения, хотя никакой любви в списке нет.

Я замечал, что счёт обостряется к концу месяца, когда накапливается усталость и денег становится меньше. В такие дни любая мелочь весит больше, и вклад кажется неравным, хотя он такой же, как в начале месяца. Усталость работает как усилитель, и это стоит помнить.

Счёт справедливости

Справедливость — самая частая маска дележа. Я считаю вклады, она считает вклады, и у каждого выходит, что он вложил больше, потому что свой вклад виден целиком, а чужой только частично. Мой вклад я помню весь: каждую поездку, каждый звонок, каждый вечер, когда я остался с ребёнком.

Её вклад я вижу кусками, и куски эти кажутся мелкими, потому что они размазаны по дням и не выглядят как события.

Рядом есть и обратная сторона: она считает так же, и в её счёте мои вклады выглядят мелкими. Так два человека с одинаковой жизнью приходят к выводу, что живут по-разному, и оба искренни, и оба неправы. Случается, что счёт всё-таки нужен, и тогда его лучше вести письменно. Не для предъявления, а чтобы увидеть: список дел на неделю, кто что сделал. Обычно после такого списка становится стыдно обоим, и это полезный стыд.

Как понять, что вышло: я не считал в уме. И проверка недолгая: если я могу назвать, что именно считал, значит, считал. Если помню только общее чувство несправедливости, значит, счёт шёл без меня, и это он мной управлял. Закончу про эту справедливость. Она не достигается равенством вкладов. Она достигается тем, что оба знают, как устроен дележ, и согласны с устройством, а не с цифрами.

Я сказал эту фразу вечером, когда мы уже почти закончили, и сказал тихо, потому что громко не получилось бы. Она ответила «ну да» не сразу, секунды через три, и эти три секунды были важнее всего разговора: она думала, а не защищалась. Рядом есть и обратная сторона: фраза работает один раз. Если повторять её каждый вечер, она становится частью того же текста, что и «ты никогда», и теряет силу. Названное один раз остаётся названным, и возвращаться к нему надо только по делу. И ещё одна деталь: дележ легче назвать, ес-

ли перед этим назвать сам круг. Сначала «мы опять в этом», потом «мы делим усталость» — два шага, и второй работает только после первого, потому что человек должен сначала увидеть повтор, а потом предмет.

Назвать дележ

Назвать дележ — это одна фраза, которая переводит разговор из предмета в суть. «Мы делим не посуду, а усталость» — и после неё спор либо меняется, либо заканчивается, но прежним он уже не будет. Фраза должна быть короткой и без обвинения. Не «ты не ценишь, сколько я устаю», а «мы делим усталость». В первом случае это упрёк, во втором — описание, и описание человек может принять, а упрёк обязан отбить.

Плюс есть техническая сторона: называть дележ лучше, когда страсти уже немного спали. В разгар человек не слышит ничего, кроме тона, и любая фраза кажется ему нападением, даже правильная. Иногда человек не соглашается: «мы ничего не делим, мы просто ссоримся». Тогда можно уточнить: «мы делим время, кто когда отдыхает». Конкретика помогает, потому что абстрактное «дележ» звучит как теория, а «кто когда отдыхает» — как жизнь.

Критерий в одну фразу: дележ назван. Проверка на месте: если после фразы разговор пошёл о времени, деньгах или отдыхе, значит, назван. Если остался о посуде, значит, я не попал. Последнее про это название. Оно не решает проблему. Оно делает её видимой, и видимая проблема впервые стано-

вится общей: до этого у каждого был свой счёт, а теперь есть один предмет, который можно обсудить.

Свой список я составил честно и удивился: в нём было больше, чем я думал, но и меньше, чем мне казалось в ссоре. Память в споре работает как увеличительное стекло, и на бумаге всё возвращается к настоящим размерам. Я не стал показывать список сразу, потому что он выглядел как обвинительное заключение. Сначала я назвал три факта вслух, и этого хватило, чтобы разговор пошёл, а список остался при мне как проверка на будущее. Скажу ещё про этот список: он не должен стать оружием. Как только я ловлю себя на желании достать его в ссоре, я понимаю, что счёт перестал быть наблюдением. Список нужен, чтобы видеть, а не чтобы побеждать, и разница тут в том, где он лежит: в столе или в разговоре.

Сколько вложил

Сказать, сколько вложил, труднее, чем кажется, потому что в этом признании есть и уязвимость. Я говорю о том, что делаю, и тем самым как бы предъявляю счёт, а предъявлять неловко. Поэтому говорить надо про факты, а не про заслуги. «Я вожу её в школу четыре раза в неделю» — это факт. «Я всё время её вожу» — это заслуга, и она требует признания, и потому вызывает защиту.

Тут есть и практическая сторона: когда оба называют факты, картина складывается сама. Обычно выясняется, что вклады разные, но сопоставимые, и что оба считали себя об-

делёнными из-за того, что не видели чужого. Бывает и так, что факты показывают перекос, и тогда это неприятно. Но лучше узнать перекос из списка, чем из ссоры, потому что список можно исправить, а ссору только пережить.

Проверочный знак: я назвал факты. И проверка короткая: если мои слова можно записать в список дел, значит, это факты. Если они звучат как «я больше», значит, это заслуги. Остаётся сказать про этот вклад. Он не обязан быть равным. Он обязан быть видимым, потому что невидимый вклад не считается, сколько бы его ни было.

Её ответ я помню до сих пор: она сказала, что половину вещей я не вижу, потому что они делаются, пока я на работе. Запись к врачу, разговор с учителем, подарок её матери, ещё что-то, чего я даже не запомнил. И это был не упрёк, а перечисление. После этого разговора я стал замечать невидимое, и оказалось, что его много. Не потому, что она героиня, а потому, что любой дом держится на мелочах, которые никто не считает, и тот, кто их делает, тоже не считает, пока не спросят. Тут и ещё одна причина спрашивать: без вопроса я строю свою картину и потом на неё обижаюсь. Картина эта всегда неполная, потому что чужой день я вижу только по краям, а края у него самые спокойные. Вопрос заполняет середину, и обида часто исчезает сама.

Спросить о вкладе

Спросить о её вкладе — последнее и самое трудное, потому что вопрос звучит как проверка. Но без него карти-

на остаётся односторонней, а односторонняя картина всегда несправедлива. Спрашивать надо не «что ты делаешь», а «чего я не вижу». Это разные вопросы: первый требует отчёта, второй признаёт, что я могу не знать. И второй человек отвечает охотнее, потому что в нём нет недоверия.

Но есть и техническая сторона: ответ часто оказывается неожиданным. Я узнаю про звонки, про договорённости, про мелочи, которые делаются между делом и потому не видны. И после такого ответа мой счёт меняется сам, без спора. Иногда человек отвечает уклончиво, потому что не привык, что его спрашивают. Тогда стоит подождать и спросить ещё раз через неделю, другими словами. Привычка рассказывать появляется не сразу.

Мерило, если сжато: я спросил про невидимое. Проверка нехитрая: если после ответа я узнал что-то новое, значит, спросил. Если услышал то, что и так знал, значит, вопрос был для вида. Последнее про этот дележ. Когда он назван и посчитан с двух сторон, спор теряет топливо. Не потому, что всё стало поровну, а потому, что стало видно: делить нечего, кроме усталости, а её делят не счётом, а помощью.

Закончу про этот дележ. Мы так и не пришли к равенству, и, наверное, не придём. Но мы перестали спорить о посуде, потому что стало ясно: спор был не о ней, и это знание, как ни странно, освободило посуду. Теперь её просто моют, по очереди или не по очереди, и это больше не имеет значения. Тут же ещё одно: дележ оказался не про справедливость, а

про видимость. Как только вклад стал видимым, спорить стало не о чем, потому что спор держался на невидимом. Это, пожалуй, самый короткий вывод, который я могу сделать из всех наших вечеров. И последнее, самое простое: посчитать вклад можно за один вечер, а спорить о нём — годами, и разница тут не в справедливости, а в том, кто первый взял лист.

Цена повтора

После круга всегда наступает тишина, и она обманчива. Мы сидим в разных концах кухни, никто не говорит, и кажется, что стало легче, потому что стало тихо. А на самом деле стало пусто, и эту пустоту я потом научился считать. В тот вечер я посчитал впервые. Полгода, примерно двадцать таких вечеров, и в каждом по часу, а то и по два. Сорок часов разговоров, после которых ничего не изменилось, и это только то, что я помню. Коротко так: я назвал цену вслух. Проверить легко: если я могу сказать, сколько это стоило, значит, я считал. Если помню только, что «очень много», значит, я всё ещё говорю о чувстве, а не о цене.

В такой тишине я всегда чем-нибудь занят: мою чашку, проверяю телефон, поправляю стул. Это не хозяйственность, а способ не сидеть лицом к лицу с тем, что осталось. Руки заняты, и можно не начинать разговор, которого не хочется. Рядом есть и своя механика: тишина после круга держится на взаимном согласии. Оба знают, что говорить нельзя, и оба соблюдают правило, хотя никто его не устанавливал. Такой договор страшнее ссоры, потому что он бессрочный.

Добавлю про эту тишину: в ней слышно, как идёт время. Часы на кухне тикают громко, и я замечал, что в обычные вечера я их не слышу вовсе. Это, наверное, самый точный способ понять, что вечер испорчен: слышно часы.

Тишина после

Тишина после круга отличается от обычной тишины. Обычная тишина бывает уютной: люди рядом, каждый занят своим, и это нормально. После круга тишина другая: в ней есть осадок, и каждый думает о своём, и никто не хочет начинать. Я замечал, что в такой тишине мы говорим только о бытовом. Передай соль. Выключи свет. Завтра в семь. Слова короткие, потому что длинные опасны: за ними может начаться то же самое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.